

Скороспелые деревенские „сцены“

СПРАВЕДЛИВО уделяя серьезное внимание отражению в литературе все новых и новых сторон и явлений жизни, мы порой как-то мало заботимся о той стороне искусства, которая прямо и непосредственно зависит от точки зрения, полноты чувств писателя, от его художественного вкуса и мастерства.

«Материал» жизни, неустанно обновляющийся запас наблюдений — великое дело. Но, чтобы стать художественной правдой, этот «материал» должен быть глубоко понят писателем, правильно им освещен и мастерски, в духе законов избранного жанра, оформлен. Иначе сколько-нибудь полноценного литературного произведения просто не получится.

В качестве примера, заранее скажу — отрицательного, сошлюсь на только что появившиеся в печати «сцены из деревенской жизни» Валентина Овечкина, названные им «Навстречу ветру»*.

Писатель задается благой целью — показать дела и дни одной машинно-тракторной станции накануне тех крупных исторических событий в развитии нашего колхозного строя, которые вылились затем в известные решения о реорганизации МТС.

В своей основе такой замысел таил богатые возможности. В самом деле, какая

* Журнал «Новый мир», № 3, 1958 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 6 мая 1958 г. № 54

увлекательная перспектива — стать на историческую точку зрения, глубоко проникнуть в диалектику развития и на этой основе показать, как сами победы колхозного строя, крупнейшие завоевания социализма в экономике, в политике, в быту, крупнейшие сдвиги в сознании людей требуют новых форм организации народного труда; как эта историческая необходимость вначале робко, а затем все решительнее и настойчивее стучится прежде всего в народное сознание, какую массу новой духовной энергии она вызывает к жизни, какие творческие взлеты ума и чувства она порождает у простых, рядовых людей.

Валентин Овечкин пошел по другому пути... Он положил в основу пьесы, сделал основным ее движущим мотивом всякого рода неурядицы в нашем советском обществении. Ну какой исторический смысл откроется и какой «ветер» эпохи почувствуешь с этих задворков!

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь пьесу, — резкое несоответствие ее громкого названия с содержанием. Люди здесь живут на редкость унылой и серой жизнью. «Ветер эпохи» возникает лишь в самом конце пьесы в виде газеты с тезисами о реорганизации МТС. Но, к сожалению, то, о чем говорится в газете, до сих пор в пьесе не занимало существенного места, не затрагивало сколько-нибудь серьезно судеб героев...

Герой пьесы, главный инженер МТС Андрей Глебов, поделился с тракториста-

ми своими соображениями насчет того, что хорошо бы передать тракторы колхозам. Это подслушал секретарь партбюро «в отставке» догматик Лошаков, записал в книжечку, а затем подал заявление в партбюро, обвиняя Глебова в оппортунизме. Разбор дела Глебова — вот фактически сюжетный центр пьесы Овечкина.

Вокруг этого центра и группируется все повествование. Вопрос о реорганизации МТС на деле является в сценах лишь поводом для того, чтобы Глебов проявил себя во всей принципиальности, отстаивая право говорить вслух то, что он думает, а Лошаков раскрылся бы во всей своей догматической мерзости. В этом же направлении развиваются судьбы и других героев.

На все и вся легла мрачная тень Лошакова. Как это ни странно прозвучит, но объективно именно он — главная пружина действия в пьесе. Лошаков активен, он наступает, остальные же герои или отбиваются от него по силе возможности, или колеблются, или, испугавшись неприятностей, отходят в сторону. Такова расстановка сил в пьесе.

Выдвинув на первый план догматика Лошакова, автор, сам того не подозревая, катастрофически обеднил своих положительных героев, лишил их не только общественной, но и человеческой самостоятельности. Большинство из них и говорит, и действует все время с оглядкой на Лошакова.

Секретарь партбюро Соловьев сочувствует Глебову. Он даже смеется над Лошаковым за его спиною. Но достаточно Лошакову сделать хоть один угрожающий жест — и Соловьев сразу же гаснет. На празднике трактористов Соловьев ведет себя так, как этого захотел Лошаков. В конце концов тот же Соловьев горячо

убеждает Глебова перед партийным собранием признать свои ошибки. Иначе, оправдывается он, «представляешь себе, какая заварится каша! Этот же Лошаков будет писать в райком, в обком, в Цека! Тогда уж он не одного меня, а всю парторганизацию обвинит в попустительстве и либерализме!» Нечего и говорить, хорошая логика! Коммунист, директор МТС Шубин, явно из боязни Лошакова, все время говорит обиняками: с одной стороны, с другой стороны...

Владычество Лошакова над умами и душами людей простирается так далеко, что даже хороший и смелый коммунист, прекрасный работник, тракторист Степан Романович спрашивает у секретаря партбюро Соловьева в разгар праздника на полном серьезе: как ему быть — имеет ли он, коммунист, право выпить с беспартийными. Ведь два года тому назад по настоянию того же Лошакова ему вынесли за это строгий выговор...

Мы хорошо понимаем, что все эти несуразные вещи привлекаются писателем для того, чтобы похлеще обличить Лошакова. Но рикошетом они «стреляют» прямо в обратную сторону — принижают хороших людей и создают гнетущую атмосферу всевластия и безнаказанности Лошаковых.

Уже из такой беглой характеристики можно понять, что в пьесе Овечкина наблюдается какое-то досадное смещение планов. Обстоятельства, чрезвычайно существенные, отодвинуты на задний план, низведены до роли повода. А то, что менее важно, что, как правило, играет в жизни подчиненную роль, занимает первый план, фактически является центральной линией пьесы.

Вспомним, как захвачен Мартынов борьбой с Борзовым, проблемой перестройки партийной работы в «Районных буднях!» Это очерк, но сколько в нем

внутреннего драматизма — именно потому, что и для Мартынова, и для Борзова вопрос о том, как пойдет партийная работа в районе, стал делом их жизни, их партийной чести, предметом больших раздумий. Конфликт вовлек в свою драматическую орбиту всех героев произведения. Вспыхнув в кабинете райкома, он углубляется и движется расширяющимися кругами, проникает в семью, доходит до колхозного поля. Он действительно волнует сотни людей, и их волнение передается читателю, увлекает и захватывает его... Так рождаются и драматизм, и острота, и подлинная актуальность.

Вопрос о реорганизации МТС не стал в деревенских сценах делом жизни героев. Пока что он имеет лишь чисто внешнее касательство к судьбам людей. В пьесе получилось так: жизнь героев идет сама по себе, а вопрос о перестройке нависает сам по себе. Ясно, что в реальной жизни, за пределами пьесы, этот вопрос уже по-настоящему волнует людей, захватывает человеческие души, — не может же такой крупный и революционный шаг, касающийся дальнейшего развития колхозного строя, не волновать нашего человека! И Мартыновы проведут не одну ночь без сна, вдумываясь в этот крутой исторический поворот и отыскивая верную дорогу в завтрашний день. И рядовые трактористы тысячу раз прикинут: как жить и работать завтра?

В пьесе же Овечкина эти жизненно важные обстоятельства показаны так бледно, будто речь идет не о крупных переменах в человеческих судьбах, а так, о чем-то эпизодическом, касающемся больше вещей, чем людей. И люди, в сущности, ничуть не взволнованы происходящим, они лишь бесстрастно резонерствуют во главе с инженером МТС Глебовым. Их богатый житейский опыт,

их практический разум, силы души — все это еще дремлет или работает в каком-то другом направлении. Лишь иногда — в приятельских беседах на полевом стане или на партийном собрании при обсуждении «дела» Глебова — люди «по касательной» зацепляют вопрос о реорганизации МТС.

А ведь конфликт между Лошаковым и Глебовым, который в первую очередь интересует Валентина Овечкина, мог развиться по любому другому поводу — по поводу, например, смелых высказываний Глебова о браке, об оставленных детях. Уж поверьте, за эту «материю» Лошаков уцепился бы прямо зубами... Но зачем же ко всей этой житейской «окрошке» ссутагами и лицемерами, анонимными письмами и расчетливой агрономией пристегивать большое народное дело, которое таит в себе такие глубины для художника, что их не исчерпают и десятки талантливых пьес!

Копни Овечкин эту проблему поглубже, подойди он к ней изнутри, — какие богатые возможности открылись бы писателю для лепки жизнеутверждающих народных типов и для обличения Борзовых новой складки!..

А сейчас, читая пьесу Овечкина, испытываешь одно лишь досадное неудовольствие. Положительные герои не волнуют, не увлекают — они мелки и малоинтересны как люди, обрисованные примитивно и грубо. Что касается обличений догматика и пакостника Лошакова, да и вообще всего критического плана пьесы, то и эта ее сторона ничем не пораждает читателя — ни глубиной, ни остротой, ни новизной. И «человека в отставке», вылепленного из одной грязи, и перзрелую девицу-агронома, из расчета хамелеонствующую, — все это читатель уже встречал не раз в недавнем прошлом

во всякого рода «обличительных» скоропелках. Зачем же повторяться?!

Появись пьеса Валентина Овечкина два года тому назад, она, может быть, и сыграла бы какую-то роль, как первая попытка хотя и боковым, хотя и внешним образом, но все же коснуться важной стороны жизни. Но в наши дни, после того, как все мы так много передумали в связи с историческими событиями в развитии сельского хозяйства, ее появление на первом месте в очередном номере журнала «Новый мир» представляется несколько странным. Тем более что и в литературном отношении эта вещь на редкость слабая.

Всякому ясно, что решение партии, решение народа о реорганизации МТС и передаче тракторов и других орудий производства колхозам основывается в первую очередь на **позитивной** стороне развития нашей жизни, на том реальном основании, что колхозы экономически окрепли, что окрепло единство интересов государства и колхозов, единство двух форм собственности, что колхозники в лице своей лучшей и передовой части стали думать широко, по-социалистически, по-государственному.

Пьеса Овечкина исходит из другого. Она создает у читателя впечатление, будто наша колхозная деревня и до сих пор еще по уши сидит в старомужичьих предрассудках, деля все сущее на «свое» и «чужое». Учитывая живучесть этих предрассудков, утверждает пьеса, следует реорганизовать МТС, сделать орудия производства собственностью колхозов...

Андрей Глебов, которому так симпатизирует автор, на жалобы бригадира о том, что колхоз не дает трактористам лошадей, говорит: «А если б у них (у руководителей колхоза.—В. Д.) эти тракторы были свои, колхозные, все бы нашлось — и лошадь и повозка.

Степан Романович. О, тогда бы все нашлось! Свое — что говорить! Совсем другая забота.

Андрей. Колхоз смотрит на тракторы, как на чужие, а мы на колхозную землю — как не на свою».

Нижне тот же Андрей изъясняется еще более прямо: «Мы, работники МТС, держим в своих руках судьбу колхозного урожая, а фактически нам все равно, хороший будет урожай или плохой... в общем, нам не очень болит, если даже будет совсем плохой урожай».

Не менее характерна в этом смысле и речь на партийном собрании другого положительного героя пьесы, бригадира-тракториста Степана Романовича: «Приезжает председатель колхоза, говорит мне: сделай то-то. Приезжают директор мэтэес или главный агроном, говорят: нет, делай то-то! Один: «Запрягай!», другой: «Выпрягай!» Я на службе в мэтэес, мог бы председателя и послать подальше, так у меня семейство в колхозе. Не потрафлю председателю — сена не даст, корова без корму подохнет, лошади не даст на базар съездить. Так и крутишься между мэтэесом и колхозом...»

И так по всей пьесе: «свое», «чужое», «на своей земле», «полный хозяин», «хоть тракторы и ваши, а посевы наши», «каждый человек из своей профессии выгоду извлекает» — вот круг понятий, в котором вращаются мысли героев Овечкина. Таков их умственный горизонт. Нечего и говорить, насколько все это элементарно, скудно, бедно и в личном, и в общественном смысле по сравнению с тем, что мы имеем в реальной действительности.

Писатель в ходе повествования не делает никаких «поправок» к ограниченной точке зрения своих героев. «Над колхозной землей два хозяина распоряжаются», — твердят герои из сцены в сце-

ну. А в чем исторически конкретная суть этого факта? Почему вчера он устраивал и государство, и колхозы, а сегодня уже не устраивает? Что в действительности произошло с «двумя хозяевами»? А главное, как выросли люди в своем отношении к миру, к обществу, к государству, к труду? Ведь это же, думается, в первую очередь должно интересоваться писателя.

На подобные вопросы мы не найдем сколько-нибудь ясного ответа в сценах Овечкина. Правда, он говорит устами Глебова, что «колхозы сейчас крупные, экономически уже опережают и средствами, и кадрами. Но, во-первых, это всего лишь одна организационно-экономическая сторона. А во-вторых, об этом говорится в пьесе в крайне общей форме, походя.

Умственный горизонт героев пьесы не простирается далее околицы МТС или колхоза, их духовные запросы сокращены до минимальных размеров. Люди эти даже и не живут самостоятельной жизнью, а лишь скользят по сценам в направлении указующего перста автора. Уж если Лошакову указано быть нравственным уродом, догматиком, лицемером и пакостиником, то он даже водку хлещет лицемерно и «догматически». Глебову, наоборот, положено быть правдоискателем, принципиальным человеком, резать, так сказать, правду-матку — и вот сочиняется, а затем рассказывается предполагаемому зрителю целая история, состоящая из преследований, обид и клеветы на него, вплоть до анонимных писем и лживых материалов в областной газете. И какая же это скучная, мелкая и нудная история!

Если писатель вдумчиво отнесется к судьбам людей, — правда возьмет свое, и его сильное, смелое слово обязательно

дойдет до читателя даже и при серьезных просчетах в смысле художественной формы. Мы хорошо это знаем по лучшим вещам самого же Валентина Овечкина. Но когда перо писателя лишь ковыряет поверхность действительности, когда жизнь человека раскрывается не в ее глубинах, а лишь со стороны самых элементарных движений, тогда мелкая житейская проза, как сорняк, забивает поэзию человеческого характера. И образ меркнет! Он может быть правдив и натурален по внешности, по массе всякого рода житейских подробностей, как бывает правдив и натурален мертвый слепок с живого лица. Но в этом образе или картине уже не будет той внутренней жизни и той правды, которые, как огонек, придают образу и свет, и человеческое тепло. Реализм уступает место натурализму, и образ или картина приобретают какие-то мертвые черты.

Второе действие пьесы В. Овечкина открывается картиной праздника — трактористы справляют День механизатора. Картина задумана интересно, в ней таятся большие возможности, — именно здесь автор мог показать полноту народной жизни. У Овечкина все, казалось бы, на месте, ничто не забыто, вплоть до ларьков, торгующих пряниками и газированной водой. Одного только нет в его картине — человеческой жизни, с ее большими и малыми радостями, с острыми словом, искрометной шуткой, с хорошими, душевными разговорами, ради чего и пишутся такие сцены. Овечкин забил картину всем, чем только мог, и особенно густо — всякого рода натуралистическими подробностями. И получилась бутафория, получился рассказ о каком-то сером, нудном и механическом «мероприятии».

Уже поначалу, когда в пьесе только что возник разговор о празднике, Овечкин успел сбобрить этот разговор такой

солидной порцией натуралистического, дедовского, что читателю заранее становилось страшно. Прошлый год двое пьяных тонули, но секретарь партбюро Соловьев успокаивает Шубина на этот счет и обещает: «Все будет аккуратно... Поговорим с бригадирами, с коммунистами. Жену трактористов приедут, тут же будут, с мужьями, примотают за порядком». Что и говорить, веселым и непринужденным обещает быть праздник!

Очевидно, для пущей занимательности и естественности, чтобы в пьесе все было, «как в жизни», Овечкин оснащает сцены всякого рода историями — и о волке-«помощнике», который бродит за трактором, и о корыстных охотниках, и притчей об ангелах-телохранителях, и сравнениями женской красоты с лошадиной статью...

Зачем, с какой целью все это пишется и включается в пьесу? Для полноты картины? Но какая же это полнота?! Лев Толстой говорил: «Идет мужик — опишут мужика, лежит свинья — ее опишут и т. д. Но разве это искусство?»

Касаясь личной жизни своих героев, Овечкин вообще обходится без «беллетристики», то есть без человеческих переживаний. Жену надо выбирать, как лошадь покупать на базаре, рассуждает один из его героев. Мы понимаем, что все это, по мысли писателя, должно означать «юмор», что это говорится в шутку. Но от подобных шуток читателю не смешно, а тревожно за... писателя. Овечкин явно клонит в этих случаях к приемам грубого натурализма. Ими он пытается передать духовный облик наших людей. Скажем прямо, негодные это приемы, негодные средства!

Овечкин, например, отдает в своих сценах щедрую дань так называемой детализации, но детализация у него, как правило, типично натуралистическая.

Это и рассуждения о «клопиках» в диване, которых предполагается травить «теми химикалиями, что получили для опыления сахарной свеклы», и чье-то «остроумное» замечание в адрес старого тракториста Савченко, у которого, оказывается, «клапана пропускают», и многие другие, написанные в таком духе куски.

Немало эпизодов и картин включено в пьесу совершенно ни к чему, они не несут никакой смысловой нагрузки, не двигают действия, не характеризуют героев. А с другой стороны, в пьесе есть совершенно искусственные повороты, обусловленные чистейшим произволом автора. Надо, чтобы читатель знал содержание статьи, появившейся в областной газете, — и вот один герой начинает пересказывать другому ее содержание, хотя и тот, и другой давным-давно все это знают чуть ли не наизусть... Такие искусственные конструкции в пьесе редки.

Если серьезно говорить о драматургической форме, Валентин Овечкин применил в своих сценах лишь одно ее свойство — то, что герои пьесы обращаются друг к другу с прямой речью. Что же касается развития действия и конфликта, драматургически построенного характера, особой композиции, то все это осталось за пределами пьесы. И, наконец, язык. Герои Овечкина говорят друг с другом огромными нудными периодами, на редкость бедным, серым, стертым языком.

Такого рода скороспелками — с актуальностью, чисто внешней, с героями, выписанными примитивно, — вряд ли мы поднимем в глазах читателей достоинство злободневного литературного слова.